

А. И. Рупасов

Северо-Западное областное экономическое совещание: проблемы перспективного планирования развития экономики региона (вторая половина 1920-х гг.)

К середине 1920-х гг. промышленность СССР приблизилась к пределу своего экстенсивного развития, что с неизбежностью ставило политическое руководство государства перед сложнейшей проблемой поиска новых возможностей и средств для нового капитального строительства, а, следовательно, и перед проблемой планирования в общенациональных масштабах. Было очевидно, что одно упование на внутренние резервы, отказ от взаимодействия с международным рынком будет служить существенным препятствием при решении этих проблем¹.

Перед экономикой Северо-Западной области стояли те же самые проблемы. На президиуме Плановой комиссии Северо-Западного областного экономического совещания (СЗОЭКОСО) в мае 1926 г. были вынуждены констатировать: «<...> наблюдается замедление темпа развертывания народного хозяйства области, что вызвано почти предельным использованием основного капитала промышленности при незначительном росте промышленного строительства, сокращением сырьевых и топливных ресурсов промышленности»². К этим проблемам добавлялся товарный голод на предметы широкого потребления, «вызванный несоответствием между ростом покупательной способности населения и имеющимися товарными ресурсами, а также ослаблением снабжения промтоварами рынков Северо-Западной области». Разрешение комплекса этих проблем зависело не только от серьезных финансовых вливаний со стороны цент-

ральной власти, но и от ряда других факторов, не последними из которых были дефицит квалифицированной рабочей силы³, зависимость промышленности от импортных поставок сырья и полуфабрикатов, изношенность транспортной инфраструктуры, дефицит энергоносителей (в том числе поступающих по импорту) и др. Однако уже само наличие указанных проблем, как и поиск их разрешения (серьезно осложняемый спускаемыми из Центра плановыми заданиями), само по себе служило препятствием при разработке перспективных планов развития экономики региона⁴.

В основе разработок перспективных планов развития Северо-Западной области, к которым приступили на рубеже 1924–1925 гг. в Северо-Западном областном экономическом совещании, лежала не только оценка промышленного и сельскохозяйственного потенциала, но и динамики численности населения, определение сезонности высвобождаемых рабочих рук. К началу 1925 г. численность населения области, по полученным от губернских статистических бюро данным, насчитывала 6,1 млн человек (табл. 1)⁵.

Таблица 1

Численность населения входящих в состав Северо-Западной области губерний на начало 1925 г.⁶

Губерния	Площадь территории в км ²	Городское население	Сельское население	Всего
Ленинградская	66 620	14 118 139	952 918	2 371 057
Новгородская	50 733	115 374	881 927	997 301
Псковская	51 977	143 768	1 624 850	1 768 618
Череповецкая	62 623	48 994	662 462	711 456
Мурманская	148 187	6 499	11 501	18 000
Карельская АССР	147 097	46 927	195 274	242 201
Всего	527 237	1 779 701	4 328 932	6 108 633

При этом признавалось, что сколько-нибудь точных данных «о размерах механического движения сельского населения области и размерах отхода, как временного, так и окончательного» не имелось, что и вынуждало основывать планирование только на косвенных данных⁷. Вместе с тем именно проблема «механического движения» (и не только сельского, но и городского населения) вызывала серьезную озабоченность. «<...> далеко не вся рабочая сила населения может быть использована по любому назначению, и перегруппировка рабочей силы между отраслями труда может произойти лишь в результате эволюционных процессов, далеко не всегда и вполне подчиняющихся планирующему воздействию органов государственного хозяйства», — признавали в СЗОЭКОСО⁸. В середине 1920-х гг. в Северо-Западной области около полу-миллиона рабочих рук в летнее время и около 1300 тыс. рабочих рук в зимнее время не находили применения в сельском хозяйстве, но и в городах области безработным в большинстве своем не удавалось найти работу⁹. Бесспорно,

постепенный рост промышленного производства менял ситуацию на рынке труда, вместе с тем на биржах труда наряду с повышенным спросом на рабочую силу оставалось немало безработных, «систематически отказывавшихся от предложенной работы или переквалификации», что был вынужден констатировать весной 1929 г. Народный комиссариат труда, признавший, что «стихийность рынка труда и найма рабочей силы противоречит задачам планового обеспечения промышленности рабочей силой»¹⁰.

В апреле 1925 г. Плановая комиссия на расширенном пленуме СЗОЭКОСО представила доклад «Основные предпосылки развития народного хозяйства Северо-Западной области». В нем констатировалось, что «восстановительная стоимость имущества Северо-Западной области оценивается приблизительно в 1 млрд червонных рублей», а генеральный план промышленности строится на том, что стоимость реконструированного имущества к концу периода реконструкции, т. е. к 1930 г., будет приблизительно равна его восстановительной стоимости. Плановая комиссия констатировала: «По элементарным и очень грубым подсчетам, значение которых не в абсолютной величине данных, а в характеризующих ими соотношениях отдельных отраслей народного хозяйства, стоимость валового производства ценностей города и деревни Северо-Западной области исчисляется для 1923–24 г. примерно в 820 млн руб. (червонных), из них на долю производства города приходится 500 млн руб., на долю производства деревни 320 млн руб.»¹¹. Именно промышленное производство должно было служить стимулом как для улучшения материального положения «рабочего населения», так и для развития сельского хозяйства «в самом важном и доходном его подразделении, а именно стимулом развития молочного хозяйства», а также «организующим стержнем рыбных промыслов». Подъем промышленности, прежде всего в Ленинграде, по мнению Плановой комиссии, с неизбежностью приводил к тому, что город в будущем становился промышленным потребителем излишков мясной продукции, «которые сейчас находят слабый сбыт и которые без развития консервной промышленности, главным образом в Ленинграде, едва ли его могут найти»¹². Наличие в области столь крупного порта, каким являлся Ленинградский, рассматривалось планирующим органом СЗОЭКОСО также как своего рода стимул к наращиванию мощностей маслодельных заводов и к «организации льнообделочных заводов».

С прискорбием констатируя, что коэффициент использования ленинградской промышленностью основного капитала ниже нормы всей промышленности советского государства, Плановая комиссия подчеркивала крайнюю необходимость ускорения «развертывания ленинградской промышленности». Последнее требовало немалых финансовых средств, которыми промышленность Северо-Западной области не обладала и, более того, в обозримом будущем найти бы не смогла. Стремясь избежать прямого указания на желательность требования этих средств у центра, авторы доклада указывали на то, что «эти средства значительно меньше тех, которые бы понадобились для того, чтобы

получить тот же самый производственный эффект путем расширения соответствующих отраслей промышленности в других районах Союза». Понимая, что в любом случае все необходимые средства для финансирования разработанного Северо-Западным промбюро перспективного пятилетнего плана (планируемый рост промышленности оценивался в 80%) получить будет невозможно (на 5 лет требовалось 72 млн руб. без учета деревообрабатывающей и бумажной промышленности), авторы доклада указывали на тот факт, что только 40 млн руб. предназначены для одновременных капитальных затрат, «сверх того ремонта, который промышленность будет производить нормально за счет своих собственных амортизационных отчислений»¹³, однако «при развертывании 5-летней программы ленинградская промышленность будет ощущать недостаток средств не только для производства капитальных затрат, но и для текущих своих оборотов. Этот недостаток оборотных средств не может быть восполнен краткосрочным банковским кредитованием, так как продолжительность рабочего периода производства средств производства и самый состав их покупателей и заказчиков (НКПС, промышленные предприятия, города) таковы, что требуется длительное помещение средств в оборот»¹⁴. В качестве дополнительных факторов, которыми объяснялась бы желательность для Центра дополнительного финансирования промышленности области, служили следующие: «<...> сравнение современных изделий Ленинграда и других районов совершенно непоказательно, потому что на себестоимость изделий ленинградской промышленности ложатся бременем недогрузка предприятий; коэффициенты использованного оборудования промышленности Ленинграда значительно меньше <...> чем в других районах <...> Ленинград имеет еще одно преимущество. Ленинградская промышленность в целом представляет собой такой мощный комбинат, сосредоточенный на небольшом пространстве, который дает возможность больше, чем где-либо в другом месте, широко провести принцип массового производства и нормализации»¹⁵. Особых упований на поступление желаемой финансовой поддержки из центра, судя по всему, у СЗОЭКОСО не было, признавалось, что «в связи с ограниченными кредитными ресурсами промышленности» следовало считать особенно необходимым планомерное расходование средств на капитальные затраты, не только связанные с новым строительством, но и с расширением существующего оборудования»¹⁶.

В дополнениях к докладу Плановой комиссии указывалось, что «в качестве схемы предпосылок для программных работ по составлению перспективного плана» следовало утвердить проектируемые мероприятия в области сельского хозяйства и по укреплению крестьянского хозяйства (имелись в виду как систематическое развитие крестьянского молочного хозяйства, так и развитие сети маслодельных заводов, расширение площади посевов и сбора технических культур, введение в обиход крестьянских хозяйств улучшенных орудий земледелия, «укрепление жизнеспособных и устойчивых крестьянских промыслов», создание колонизационного земельного фонда и мелиоративных земель).

В отношении темпов развития промышленности региона разработчики «дополнений» исходили из того, что Ленинград «должен сыграть крупнейшую роль в восстановлении и обновлении основного капитала хозяйства Союза [ССР], что требовало ускорения темпа развертывания ленинградской промышленности. Последнее могло быть обеспечено при соблюдении ряда условий (финансирование, обеспечение сырьем (в частности, имелась в виду замена донецкого угля импортным) и пр.), но, прежде всего, «установлением центральными регулирующими органами определенного плана загрузки государственных промышленных предприятий Союза заказами, могущими быть в плановом порядке предусмотренными, при которых Ленинграду была бы обеспечена загрузка (sic!) его заводов в соответствии с неиспользованной частью их оборудования»¹⁷. Особое внимание обращалось на перспективное планирование использования лесов, развитие портового хозяйства Ленинградского торгового порта, изменение тарифной политики наркомата путей сообщения, модернизацию ленинградского железнодорожного узла.

Расширенный пленум СЗОЭКОСО именно к поставленной Плановой комиссией проблеме финансирования промышленности отнесся с исключительным вниманием, но и с особой осторожностью. Фактически участники обсуждения передали решение этой проблемы так называемому Банковскому совещанию при СЗОЭКОСО. Именно оно должно было не только добиться «от регулирующих органов большего соответствия кредитных заявок действительной потребности в кредите отдельных отраслей промышленности и народного хозяйства», но и «проработать вопрос об организации в Северо-Западной области долгосрочного кредита для восстановительных работ в промышленности, коммунальном хозяйстве, транспорте, а также для капитальных затрат на сооружение льнообделочных и маслодельных заводов, холодильников и т. п.», а также озаботиться «вопросом о понижении учетного процента»¹⁸.

Дефицит средств для кредитования промышленности Северо-Западной области являлся причиной крайне тревожного явления, о котором, например, весной 1926 г. сообщал в своем отчете Псковский губернский финансовый отдел: «Наблюдается стремление ГОМХ'а¹⁹ уменьшить прибыль или имеющуюся оставить в распоряжении предприятия; в этом случае ГОМХ не останавливается перед представлением Губисполкому проектов распределения прибыли по заводу "Череха"²⁰ без отчисления в резервный фонд; вызвано это тем, что часть резервного фонда должна быть помещена в процентные бумаги; по всем предприятиям увеличивается амортизационный капитал, уменьшается прибыль или увеличивается убыток»²¹. Именно дефицит финансирования строительства фабрик по переработке льна в Псковской губернии, считавшейся «главнейшим льняным центром не только Северо-Западной области, но и всего Союза Республик», не позволил ранее 1927 г. даже планировать такую программу, а реально к вопросу финансирования удалось подойти только в 1929/30 г.²²

Одной из наиболее серьезных проблем, с которыми сталкивалась экономика Северо-Западной области, являлось обеспечение промышленности сырьем и энергоресурсами. В середине 1920-х гг. именно обеспечение энергоресурсами промышленности как источника наращивания экспорта и получения валюты, а также как источника снабжения промышленными товарами «льноводных, маслодельных, лесозаготовительных и пограничных районов», в определенной степени гарантирующего социальную стабильность в регионе, вызывала пристальное внимание президиума СЗОЭКОСО²³.

При разработке сырьевого и топливного плана на 1925–1930 гг. в СЗОЭКОСО были вынуждены констатировать, что только силикатная промышленность, отчасти кожевенная и часть химической (а именно спичечная) обеспечены местным сырьем. При этом, по данным Северо-Западного промбюро за 1925/26 г. в составе себестоимости продукции сырье составляло: в металлообработке — 38,3 %, в электротехнической промышленности — 35,1, в текстильной — 52,8, в химической — 68, в кожевенно-обувной — 67,6, в пищевкусовой — 56, в табачной — 28,6%²⁴. Кроме того, хотя и наметилась тенденция к сокращению импортного сырья в текстильной и кожевенной промышленности, однако этот процесс шел медленно, так как текстильные предприятия были рассчитаны главным образом на египетский хлопок и тонкую импортную шерсть, шелк, на применение импортных красителей, а кожевенно-обувные привыкли работать на импортном хроме, шевро, тяжелых кожах. Решение проблемы обеспечения областной промышленности сырьем, согласно расчетам СЗОЭКОСО, осложнялось тем, что потребности в сырье с неизбежностью должны были возрасти с каждым годом (табл. 2).

Попытки удовлетворить спрос на дефицитное сырье через биржевые сделки по ценам, превышающим установленные государственными органами, Центр стремился пресекать. Так, например, в конце 1925 г. заместитель наркома внешней и внутренней торговли СССР Николай Эйсмонт предупредил о запрете совершать сделки на хлопок из Средней Азии по ценам, превышающим установленные Главхлопкомом закупочные цены.

Следует учитывать, что, если в первой половине 1920-х гг. попытки областных структур добиться у Центра самостоятельного участия в экспортно-импортных операциях порой оказывались удачными, то с середины 1920-х гг. подобного рода попытки пресекались сразу²⁵.

Намечавшийся рост промышленного производства с неизбежностью обострял проблему обеспеченности этого роста энергоресурсами. Уже в 1924/25 г. общий расход топлива в Северо-Западной области у промышленности и водосвета достиг 1311 тыс. тонн условного топлива при объеме продукции, оцениваемой по довоенным ценам в 488 млн руб., т. е. в среднем около 0,165 пуда условного топлива на рубль валовой продукции (что превышало дореволюционный уровень — 0,131 пуда условного топлива). На уголь приходилось — 35 %, на нефть — 22 %, на торф около 4½ % и на дрова — 38½ %²⁶.

Таблица 2

**Потребности в основном сырье промышленности
Северо-Западной области²⁷**

Сырье	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
Металлопромышленность					
Чугун предельный (тонн)	61 200	84 467	97 000	100 450	103 000
Чугун литейный	16 550	23 375	29 400	34 500	38 850
Зерк. ферросил	6839	9543	12 354	12 937	13 520
Чугунный лом	16 300	23 500	30 200	35 000	38 000
Медь, латунь и др.	21 700	26 900	31 350	33 600	35 175
Алюминий	849,9	1740,2	3436,3	4000	4200
Никель	120	125	188	200	220
Олово	273,1	382	442,2	480	520
Электропромышленность					
Свинец чистый					
— химический	157	397	489	510	640
— сырьмянистый	237	900	930	1240	1300
Твердый лом	102	257	360	397	400
Латунь	750	1000	1400	1800	2300
Алюминий	80	110	140	220	280
Цинк	25	35	45	55	60
Олово	8	12	15	20	25
Химическая промышленность					
Сера	1080	1420	1430	1570	1750
Селитра	652	810	1110	1208	1300
Свинец	732	1500	1770	1950	2150
Цинк	465	2350	2500	2750	3000
Каучук	5300	7430	7950	8590	9300
Текстильная (в пудах)					
Саккелиаридис	261 578	455 178	429 532	22 532	42 532
— в. египетский	279 288	398 253	383 992	383 992	383 992
— в. американский	495 780	705 936	739 264	822 764	822 764
Хлопок союзный	847 465	1 010 000	1 064 000	11 510 000	11 410 000
Шерсть импортная					
Толс	1176	1000	1000	1000	1000
— австралийская	8885	20 085	20 085	20 085	20 085
— мериносовая	11 269	20 386	20 386	20 386	20 386
— немецкая	14 000	12 000	12 000	12 000	12 000
— хорасанская	30 489	26 278	26 278	26 278	26 278
Кожевенно-обувная					
Шевро импортное (тыс. кв. ф.)	1057	1231	3075	3450	3800
Хром	2615	3367	5784	6000	6500
Пищевкусовая (тыс. тонн)					
Мука в/к для макаронных изд. (тонн)	8	8,9	9,9	11	12,3
Мясо для колбасных (пудов)	243 638	299 000	336 000	394 000	426 000
Сахарный песок	180 000	237 000	252 000	263 000	272 000

Так же как и в обеспечении промышленности сырьем, поставки энергоресурсов отчасти зависели от импорта. При этом, что касается угля, в СЗОЭКОСО исходили из благоприятной динамики мировых цен на него, считая, что «есть все основания полагать, что в процессе сжатия расхода угля и технических усовершенствований всей добычи цены мирового угольного рынка будут падать еще в течение нескольких лет. Таким образом, с точки зрения валютной наиболее целесообразным было бы максимальное увеличение вывоза нашего нефтепродукта и дериватов нефти с тем, чтобы на основе активного балансирования топливного ввоза и вывоза увеличивать импорт иностранного угля»²⁸. Явно не без сожаления констатируя при этом, что «соображения общеполитические препятствуют чрезмерной, в особенности — полной — зависимости ленинградской промышленности от иностранного топлива, да еще доставляемого через районы узких проливов Балтийского моря; ввиду этого доля твердого минерального топлива иностранного происхождения должна быть ограничена известными пределами»²⁹.

В СЗОЭКОСО признавали наличие проблемы с поставками нефтепродукта. Если в 1925/26 г. общий расход нефтепродукта в промышленности области был предусмотрен уже в 217 тыс. тонн (18% от общих потребностей региона в топливе), то объемы его поставок в последующем оценивались довольно скептически: в 1926/27 г. — 168 тыс. тонн, в 1927/28 г. — 170 тыс. тонн, в 1928/29 г. — 185 тыс. тонн, в 1929/30 г. — 200 тыс. тонн. Возможности экономии за счет сокращения доли нефтепродукта в промышленности оценивались как незначительные в силу технико-производственных условий: «В частности, сокращение использования нефтепродукта в двигателях и при термических операциях (горячих цехах) нецелесообразно, почему сжатие расхода нефтепродукта возможно лишь за счет перевода на уголь некоторой части котельных установок»³⁰.

При разработке перспективных планов одним из способов развития экономики региона считалось наращивание объемов экспорта, не только как способа получения валютных средств, но и как источника финансирования импорта. В феврале 1926 г. А. Н. Рыков как председатель Совета труда и обороны (СТО), направил в Ленинградский губисполком письмо, в котором констатировал, что «невыполнение наших экспортных планов неизбежно влечет за собой невыполнение импортных планов, на основе которых строилось развертывание целого ряда отраслей промышленности <...> Совет Народных Комиссаров обязал Народный комиссариат внутренней и внешней торговли провести все экспортные операции в ударном порядке, принять меры к изысканию новых источников экспорта <...> экспорт должен производиться и в тех случаях, когда он недостаточно рентабелен или нерентабелен»³¹.

В СЗОЭКОСО при планировании экспортных операций в середине 1920-х гг. основной упор делали на вывоз продуктов полеводства и садоводства (почти 16,5 млн руб.), продуктов сухой перегонки дерева (28,3 млн руб.), тогда как промышленных изделий предполагалось экспортировать на значительно меньшую сумму — всего на 5,07 млн руб., продуктов звероловства

и рыболовства на 2,8 млн руб. Предполагалось, что удастся вывозить также «случайные партии вкусовой и пищевой промышленности»³². При этом Плановая комиссия экономического совещания исходила из желательности наращивания одного из экспортных товаров³³ — льна, что требовало изыскания способов повышения заинтересованности крестьянства Северо-Западной области в предоставлении излишков льна закупочным органам. Решение этой проблемы виделось в дополнительном снабжении крестьян промышленными товарами и зерновыми продуктами³⁴. Однако данный способ привлечения излишков сырья на экспорт наталкивался на объективные препятствия. Так, снабжение Северо-Западной области мануфактурой могло удовлетворить спрос не более чем наполовину. А с учетом того, что Президиум СЗОЭКОСО считал, например, в апреле 1926 г., что завоз мануфактуры в губернии области следует сократить до 25 %, чтобы оставшееся количество было распределено только в Ленинграде³⁵, становится понятным, что создание особой заинтересованности крестьян становилось сложно решаемой задачей. Кроме того, быстро растущий внутренний спрос на самые различные товары широкого потребления лишал крестьянство заинтересованности в сдаче экспортным структурам продуктов собственного производства в силу предлагаемых низких закупочных цен. Ленинградское областное ЭКОСО осенью 1928 г. безотрадно констатировало, что «по экспорту рыбы и раков» «вопрос упирается в бездеятельность рыбаков, предпочитающих сбывать этот товар на внутреннем рынке»³⁶. Одним из способов предотвращения этого рассматривалось перекрытие каналов поступления этих товаров на внутренний рынок. Более того, не только крестьяне оказывались незаинтересованными в выполнении экспортных планов властей. Так, член правления «Экспортлеса» К. Х. Данишевский предполагал, что систематические нарушения лесозаготовителями спецификаций носят преднамеренный характер, так как в этом случае товар можно было реализовать на внутреннем рынке³⁷. На протяжении 1925–1928 гг. Плановой комиссии СЗОЭКОСО приходилось неоднократно констатировать «неослабевающий рост розничных цен на целый ряд продуктов широкого потребления». Единственным выходом из этой ситуации считалось проведение регулируемыми органами активных мероприятий по снижению цен, в том числе при помощи кредитной политики банков³⁸.

Поскольку центр требовал максимального наращивания экспорта, СЗОЭКОСО усиленно занималось выискиванием экспортных товаров. Внезапно выявившийся в 1926 г. повышенный спрос в Западной Европе на «спичную соломку» повлек переговоры Северо-Западного промбюро с Северо-Западным госторгом и Северо-Западным спичтрестом о скорейшем оборудовании областных «соломочных заводов» и экспорте спичек в Англию, несмотря на убыточность таких операций³⁹. Насколько удачными можно было бы считать предложения Плановой комиссии по наращиванию экспорта и притока валюты, сказать затруднительно. Так, возможность увеличения экспортных поставок

стекла и стекольных изделий в страны Востока наталкивалась не только на неизбежность выпрашивания в Москве средств на дооборудование стекольных фабрик в Новгородской губернии, но и валюты на импорт необходимого заграничного сырья для изготовления тех же изделий из стекла. Так же обстояло дело и с увеличением экспорта смольной пакли. Коротко говоря, объемы экспортных операций и масштабы работы Ленинградского торгового порта во многом зависели от того, насколько СЗОЭКОСО удастся договориться с центральными органами о «применении принципа частичной компенсации экспортеров в форме предоставления права на некоторое количество импорта за счет излишков экспорта сверх плана»⁴⁰.

В компетенцию СЗОЭКОСО входило и планирование так называемой колонизации Карело-Мурманского края, так или иначе, но создававшее трения с руководством Карельской автономии. Однако последнее освобождалось при этом от такой трудновыполнимой задачи, как снабжение населения колонизируемых территорий, особенно с учетом того, что в ряд районов могли осуществляться только импортные поставки товаров первой необходимости (так называемый беспошлинный ввоз — промысловая и гражданская одежда и обувь, продовольствие)⁴¹.

Любое планирование со стороны СЗОЭКОСО наталкивалось на ряд финансовых проблем, решение которых виделось фактически только двумя способами — получение дополнительного финансирования у Центра и принятие срочных мер губернскими исполнительными комитетами области для ликвидации «недоимочности как частными лицами и предприятиями, так и государственными, и кооперативными»⁴².

При этом в Москве вызвала озабоченность та конкуренция, которая возникла между обществами взаимного кредитования (ОВК) и «государственным кредитным аппаратом в деле привлечения сбережений населения во вкладные операции», так как считалось, что задачей ОВК являлось «вовлечение в кредитную работу частного торгово-промышленного капитала, а вовсе не сбережений населения. Сбережения населения наиболее рационально было бы использовать, с точки зрения народного хозяйства, в госзаймах, сберкассах и т. п.»⁴³. Успех ОВК объяснялся высокими ставками по вкладам и текущим счетам, но при этом вклады торгово-промышленных кругов составляли в ОВК только $\frac{1}{4}$, тогда как $\frac{3}{4}$ были сбережениями населения, что признавалось нездоровым явлением. По этой причине уполномоченный Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ) рекомендовал декретирование предельной процентной ставки по пассивным операциям ОВК для устранения конкуренции с государственными займами⁴⁴, но поскольку «торгово-промышленные круги не могут получать по вкладам % ниже, чем они платят по векселям, и, следовательно, ставки по пассивным операциям находятся в тесной зависимости от учетных %% по активным операциям», то, по его мнению, следовало войти с ходатайством в НКФ об ускорении декретирования предельной ставки

учетного процента»⁴⁵. Уполномоченный наркомата финансов по Северо-Западной области и заведующий валютным подотделом СЗОЭКОСО пошли еще дальше, считая, что размеры сети ОВК в области «должны быть признаны преувеличенными»: «...при настоящей торгово-промышленной конъюнктуре частного сектора наличие шести обществ (не считая специального строительного) велико и для их работы нет достаточного учетного материала», к тому же, «в работе отдельных ОВК отмечался некоторый уклон в сторону увлечения торговой деятельностью»⁴⁶.

Если в Ленинграде в 1923 г. имелось три ОВК, в 1924 г. — четыре, в 1925 г. — пять, то в 1926 г. их было уже семь. При этом во всей Северо-Западной области в 1923 г. было пять ОВК, в 1924 г. — семь, в 1925 г. — 11, а в 1926 г. — 14⁴⁷. В принципе признавалось, что деятельность обществ взаимного кредитования имеет и положительную сторону: «Роль ОВК в народном хозяйстве обуславливается их значением, как фактора, способствующего вовлечению частного капитала в легальную кредитную работу. Аккумулируясь в ОВК, частный капитал переходит из “невидимого” состояния на вольном денежном рынке в состояние “видимое”, что дает государству возможность легче контролировать его работу и направлять ее по тому руслу, каковое является наиболее целесообразным в условиях проводимой в каждый данный момент кредитной политики. Развертывание операций ОВК, как правило, вызывает сокращение роли вольного частного дисконта и способствует, таким образом, изживанию ряда нежелательных явлений... чрезмерно высокий дисконтный процент, спекуляция с валютой⁴⁸, золотом и т.п.»⁴⁹. Признавалось, что «происходит сокращение кредитования частной клиентуры по линии банков и значительный рост (как относительный, так и абсолютный) по линии ОВК, каковая тенденция должна быть признана правильной, так как кредитование банками частной клиентуры не непосредственно, а через ОВК (за исключением наиболее крупных клиентов) является вполне здоровым явлением»⁵⁰. Кредитование банками ОВК из года в год росло, при этом подавляющая часть задолженности ОВК Северо-Западной области банками по переучету и перезалогу приходилась на задолженность Госбанку (на 1 октября 1926 г. 97,0 % всей их задолженности), но речи не шло о сколько-нибудь значительном отливе средств банковских учреждений в частную кредитную сеть, так как задолженность ОВК банкам составляла на 1 октября 1926 г. всего 0,8 % всех учетно-ссудных операций банковской сети Северо-Западной области. Активные операции ОВК в основном осуществлялись за счет собственных капиталов и вкладных операций⁵¹. Вместе с тем авторы подготовленной для СЗОЭКОСО справки подчеркивали: «...наблюдается систематическое сокращение подтоварного кредитования, что вызывается политикой запрещения открытия кредитов под целый ряд недостаточных товаров, как явления, могущего вредно отразиться на обострении товарного голода»⁵². О размерах вкладах в ОВК см. табл. 3.

Таблица 3

Вклады в текущие счета в ОВК в СЗО (в тыс. руб.)⁵³

ОВК	01.10.1923	01.10.1924	01.10.1925	01.10.1926
Ленинградские ОВК	246	1055	3207	6769
Новгородские ОВК	15	49	136	323
Вся область	261	1104	3343	7092
Вся кредитная сеть области	7761	27997	71636	70077

Власти были обеспокоены тем, что ОВК не выполняют свою задачу — вовлечение в кредитную работу торгово-промышленного капитала, а привлекают сбережения населения, более рациональным применением которых с точки зрения народного хозяйства было бы помещение их в сберегательные кассы и в государственные займы⁵⁴. Избежать прессинга со стороны власти ОВК не могли. В мае 1927 г. первой жертвой стало Ленинградское соединенное общество взаимного кредита мелкой промышленности, к ликвидации которого приступили по решению Наркомата финансов⁵⁵.

Совокупность проблем, с которыми в разработке перспективных планов экономического развития региона столкнулось Северо-Западное областное экономическое совещание, осложняемых диктатом Центра при определении параметров этого развития и его сдержанностью в отношении просьб региональных властей о дополнительном финансировании, превращало сам процесс выработки этих планов в некую фикцию. На практике это планирование сводилось к согласованию довольно ненадежной информации, получаемой от губернских экономических совещаний, с присылаемыми из Центра нормативами. Ущербность этой практики выявилась довольно быстро, поставив под вопрос саму необходимость существования СЗОЭКОСО.

¹ Ф. Э. Дзержинский утверждал, например: «<...> если кто думает, что мы, с развитием нашей промышленности, с развитием нашего хозяйства и транспорта, смогли бы замкнуться в пределах Союза ССР, — хотя эти пределы и являются 1/6 частью суши, тот жестоко ошибается» (*Дзержинский Ф. Э. Промышленность СССР. Ее достижения и задачи.* М.; Л., 1925. С. 56). В свою очередь Г. Е. Зиновьев заявлял на заседании ИККИ: «Тот факт, что мы оказались составным звеном в мировых отношениях, свидетельствует о нашей силе» (Заключительное слово т. Зиновьева на заседании расширенного заседания ИККИ 4 апреля 1925 г. // Г. Зиновьев о стабилизации и перестраховках: [сборник] / Сост. Д. Лурия. Л.: Изд-во КУБУЧ, 1925. С. 38).

² Протокол № 30 заседания Президиума Плановой комиссии СЗОЭКОСО, 11.5.1926 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 12 а. Л. 45.

³ СЗОЭКОСО особенно беспокоил дефицит квалифицированной рабочей силы в сфере металлообработки и в текстильной промышленности (ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 32а. Л. 42).

- ⁴ Уместным в данном случае будет привести цитату из выработанных в 1927 г. Специальной комиссией при Ленинградской торговой бирже тезисов: «Современное состояние товарооборота может быть охарактеризовано как борьба между плановыми началами и стихией рынка, причем как содержание этой борьбы, так и ее дальнейшее развитие определяются наличием и глубиной противоречий между частными хозяйственными интересами отдельных участников оборота, с одной стороны, и государственными интересами всей хозяйственной системы в целом, с другой. Разрешение этих противоречий, как показывает опыт, возможно в трех направлениях, во-первых, в плоскости координирования частных интересов с интересами целого, т.е. в расширении самой плановой системы, во-вторых, в плоскости подчинения частных интересов интересам целого, т.е. в государственном регулировании отдельных рыночных процессов, и в-третьих, в плоскости организации рынка, т.е. в такой перегруппировке и размещении сил на рынке, которые в максимальной степени обеспечили бы охрану и осуществление государственных интересов» (Ленинградский государственный областной архив в г. Выборге (далее — ЛОГАВ). Ф. 3434. Оп. 3. Д. 5. Л. 11).
- ⁵ Справка «Население Северо-Западной области» [1925 г.] // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
- ⁶ Там же. Л. 2.
- ⁷ Там же. Л. 12.
- ⁸ Справка «Проблема рабочей силы в народном хозяйстве Северо-Западной области» [б.д.] // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.
- ⁹ Там же. Л. 10.
- ¹⁰ Цит. по: *Богданов С. В., Ельчишинов П. М.* Безработица и социальный протест в Советской России периода НЭПа // Грамота. 2016. № 9 (71). С. 26.
- ¹¹ Доклад Плановой комиссии, конец апреля 1925 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 32а. Л. 78.
- ¹² Там же. Л. 82. Причины, объясняющие наличие не находящих потребителя излишков мясной продукции, не назывались. Вместе с тем, когда в том же году Ленинградский союз потребительских обществ подал в Ленинградское ГубЭКОСО заявку, согласно которой ЛСПО брался осуществить в 1925/26 г. охват 40 % рынка мясных продуктов (1,2 млн пудов по цене 10 тыс. руб. пуд) вместо 8 %, то на заседании губернского ЭКОСО сочли такого рода план преувеличенным и сократили его до 30 % (1 млн пудов), понизив при этом стоимость пуда до 8 тыс. руб. и позволив при этом повысить охват рынка картофеля с 10 до 18 % (Протокол № 1 заседания президиума ЛенГубЭКОСО, 05.10.1925 // ЦГА СПб. Ф. Р-197. Оп. 31. Д. 1. Л. 1).
- ¹³ Доклад Плановой комиссии, конец апреля 1925 г. Л. 86.
- ¹⁴ Там же. Л. 91.
- ¹⁵ Там же. Л. 88.
- ¹⁶ Протокол № 7 заседания Президиума Плановой комиссии, 22.12.1925 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 12а. Л. 18.
- ¹⁷ Дополнения к докладу об основных предпосылках развития народного хозяйства Северо-Западной области, 29.04.1925 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 32 а. Л. 12–13.
- ¹⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 32а. Л. 129.
- ¹⁹ ГОМХ — Губернский отдел местного хозяйства.
- ²⁰ Псковский завод по изготовлению кирпича.
- ²¹ Квартальный отчет Псковского губернского финансового отдела за 01.01–01.04.1926 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 82. Д. 51. Л. 65 об.
- ²² *Филлимонов А. В.* Лignoобработывающие фабрики Пскова (1920–1930-е гг.): проекты и реальность // Псков. 2017. № 47. С. 84–91.
- ²³ Протокол № 73 заседания президиума СевЗапЭКОСО от 03.09.1926 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 33. Л. 131.
- ²⁴ Сырьевой и топливный пятилетний план 1925–1930 гг. // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

- ²⁵ Еще в феврале 1925 г. президиум Северо-Западного областного Промбюро признал необходимым организацию при Севзапгосторге импортного отдела и учреждение должностей представителей последнего «при наиболее крупных торгпредствах», но отсутствие у Севзапгосторга права на ведение самостоятельных операций за границей не способствовало, по мнению его руководства, развитию импортных операций. Однако, когда весной 1926 г. Севзапгосторг, воспользовавшись предстоящей реорганизацией импортирующих организаций, предусматривавшей «создание целого ряда импортных контор по специальным отраслям промышленности», обратился в Северо-Западное областное Управление НКВТ в попытке добиться предоставления ему как паевому товариществу права «свободного выхода за границу и права самостоятельного ведения торговых операций с заграницей через посредство своих представителей в Германии, Англии и Франции», то оснований для удовлетворения такого ходатайства в НКВТ не усмотрели (Обращение Импортного отдела Севзапгосторга в СЗОЭКОСО, 07.02.1926 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 49. Л. 266–267; Письмо и. о. начальника Северо-Западного областного управления НКВТ Сергеева в Президиум СЗОЭКОСО, 09.03.1926 // Там же. Л. 270; Выписка из протокола заседания Совета Акционерного северо-западного общества «Севзапгосторг», 16.12.1925 // Там же. Л. 265).
- ²⁶ Сырьевой и топливный пятилетний план 1925–1930 гг. Л. 2.
- ²⁷ Там же. Л. 5–7.
- ²⁸ Там же. Л. 20.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 21–22.
- ³¹ Письмо А. Н. Рыкова в Ленинградский губисполком, 15 февраля 1926 г., секретно // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 49. Л. 263 — 263 об. Ранее член ЦКК РКП(б) А. И. Стецкий сетовал на конфликтность отношений промышленности и наркомата внешней торговли, в результате чего при строго ограниченном размере импорта советские промышленные организации не получают того сырья и оборудования, которое для них необходимо, так как органы НКВТ, «руководствуясь своими коммерческими интересами, предпочитают ввозить легко реализуемые товары или даже ввозя необходимые промышленные товары, выбрасывают их на рынок» (Стецкий А. И. Проблемы организации внешней торговли, 1925 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 374. Оп. 28. Д. 989. Л. 12).
- ³² Протокол № 1 заседания Президиума СЗОЭКОСО, 03.10.1925 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 12а. Л. 6.
- ³³ В целом, номенклатура товаров, поставлявшихся Северо-Западной областью на экспорт, была довольно широка: доски, пропсы, балансы, круглый лес, фанера, кряжи сосновые и березовые, телеграфные столбы, кора ивовая, слиперы, тонкие бревна, жерди, конский волос, щетина, пушнина, галоши, жмыхи. На рубеже 1924–1925 гг. стоимость областного экспорта оценивалась в 34,445 млн руб. Стоимость ввозимых товаров была несколько выше — 35,899 млн руб. (Протокол № 87 заседания президиума СЗОЭКОСО, 08.02.1924 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 10б. Л. 11).
- ³⁴ Протокол № 20 заседания Президиума Плановой комиссии СЗЭКОСО от 06.04.1926 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 12а. Л. 32.
- ³⁵ Протокол № 42 заседания президиума СЗОЭКОСО от 16.04.1926; Протокол № 43 заседания президиума СЗОЭКОСО от 23.04.1926 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 33. Л. 46, 47, 51.
- ³⁶ Доклад о работе Ленинградского областного экспортного совещания и Ленинградского окружного совещания по второстепенному экспорту, сентябрь 1928 г. // ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 3. Д. 114. Л. 2 об.
- ³⁷ Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х — начало 1930-х гг. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 225.
- ³⁸ Протокол № 18 заседания Плановой комиссии, 23.03.1926 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 12а. Л. 28. Н. А. Грик справедливо отмечает, что еще с 1923 г. «началось утверждение директивного ценообразования, которое не ориентировалось на прибыль. Вначале это

- привело к быстрому восстановлению промышленности в условиях «товарного голода» и расконсервации предприятий. Но со временем директивные цены стали негативно сказываться на себестоимости, она продолжала оставаться очень высокой, в государственной промышленности сохранялись расточительность и недисциплинированность» (Трик Н.А. Проблемы эффективности советской промышленности в 1920 — начале 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2005. Вып. 288. С. 182).
- ³⁹ Данная задача становилась тем более актуальной, что предстояло падение экспорта в Персию в 2,5 раза (Протокол № 42 заседания президиума СЗОЭКОСО от 16.04.1926; Протокол № 43 заседания президиума СЗОЭКОСО от 23.04.1926. Л. 33).
- ⁴⁰ Там же. Л. 34.
- ⁴¹ См., например, доклад Рознера на заседании президиума СЗОЭКОСО 13.01.1926; Протокол № 37 заседания Президиума СЗОЭКОСО, 17.03.1926 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 33. Л. 4–5, 27.
- ⁴² Протокол № 25 заседания президиума СЕВЗАПЭКОСО от 03.02.1926 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.
- ⁴³ Письмо уполномоченного НКРКИ в Северо-Западной области Кузьмина в секретариат СЗОЭКОСО, 03.02.1927 // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 32а. Л. 14 об. В апреле 1926 г. для власти актуальной проблемой стало значительное расширение социальной базы внутренних займов, их «превращение» в один из главных источников форсированной индустриализации. Сталин выступил тогда перед активом ленинградской парторганизации с докладом «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии», подчеркнув, что «задача организации дела внутренних займов, несомненно, стоит перед нами, как очередная задача, и мы ее должны разрешить во что бы то ни стало». Подробнее о внутренних займах в СССР см., например: Соколов А. С. Советские государственные займы в период новой экономической политики (1922–1928 гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2011–2012. С. 353–380; Forestier-Peyrat É., Ironside K. The Communist World of Public Debt (1917–1991): The Failure of a Countermodel? // A World of Public Debts. A Political History / Eds. N. Barreyre, N. Delalande. Springer, 2020. P. 317–345.
- ⁴⁴ 4 февраля 1927 г. НКФ СССР принял Постановление «О процентных ставках обществ взаимного кредита по текущим счетам и вкладам». Общества взаимного кредита обязаны были в течение трех месяцев установить процентную ставку по «простым текущим счетам не выше 12 процентов, а по условным текущим счетам и бессрочным вкладам — 15 процентов годовых» (Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства. 1927. № 8. С. 43). С конца мая 1927 г. кредитование ОВК должно было проводиться только через Госбанк СССР (Циркуляр НКФ СССР от 19 апреля 1927 г. № 441 «Об оздоровлении обществ взаимного кредита» // Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства. 1927. № 21).
- ⁴⁵ Письмо уполномоченного НКРКИ в Северо-Западной области Кузьмина. Л. 14 — 14 об.
- ⁴⁶ Справка уполномоченного НКФ, заведующего валютным подотделом в СЗОЭКОСО, январь 1927 г. // Там же. Л. 15.
- ⁴⁷ Анализ работы ОВК в Северо-Западной области за 1923–1926 гг. // ЦГА СПб. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 33а. Л. 19.
- ⁴⁸ В конце декабря 1925 г. заведующий Ленинградским губернским статистическим отделом Юенбург по поручению Плановой комиссии СЗОЭКОСО обратился с запросом в упомянутый выше Фондовый отдел биржи: «1) Наблюдается ли спрос на золотую десятку, и со стороны какой группы населения?; 2) Наблюдается ли стремление частного капитала к помещению своих средств в золотую монету и иностранную валюту. Запрашиваемые данные необходимы для ответа на запрос Госплана» (ЛОГАВ. Ф. 3434. Оп. 3. Д. 12. Л. 24). Что касается валютных операций, то интерес представляет следующий факт. Фондовый отдел Ленинградской торговой биржи отмечал, что крупные операции по покупке и продаже валюты осуществляли только государственные органы, «частные же лица являлись преимущественно в качестве продавцов, так как иностранная валюта, с проведением денежной реформы, потеряла свое значение, как средство накопления

и спекуляции» (ЛОГАВ. Ф. Р-3434. Оп. 1. Д. 462. Л. 5). Однако, как признавал один из членов Фондового отдела биржи Д.А. Липов, со стороны биржи велась «большая агитационная работа по выкачиванию от клиентуры валюты на покупку ими облигаций госзаймов... клиент по собственной инициативе свои сбережения в госзаймы не обращает» (Протокол расширенного заседания Котировальной комиссии Фондового отдела при Ленинградской торговой бирже, 6.10.1925 // Там же. Л. 7).

⁴⁹ Анализ работы ОВК в Северо-Западной области за 1923–1926 гг. Л. 18.

⁵⁰ Там же. Л. 25.

⁵¹ Там же. Л. 26.

⁵² Там же. Л. 27.

⁵³ Там же. Л. 29а.

⁵⁴ Там же. Л. 32.

⁵⁵ Там же. Д. 5. Л. 215.

REFERENCES

BOGDANOV S. V., EL'CHANINOV P. M. *Bezroboticza i social'nyj protest v Sovetskoj Rossii perioda Ne'pa* [Unemployment and social protest in Soviet Russia of the NEP period. In Russ.] // Gramota. 2016. No. 9 (71). P. 24–26.

Byulleten' finansovogo i xozyajstvennogo zakonodatel'stva [Financial and Business Law Bulletin. In Russ.]. 1927. No. 8. No. 21.

FILIMONOV A. V. *L'noobrabatyvayushhie fabriki Pskova (1920–1930-e gg.): proekty i real'nost'* [Pskov's Linen Factories (1920s–1930s): Projects and Reality. In Russ.] // Pskov. 2017. No. 47. P. 84–91.

FORESTIER-PEYRAT É., IRONSIDE K. *The Communist World of Public Debt (1917–1991): The Failure of a Countermodel?* // A World of Public Debts. A Political History / Eds. N. Barreyre, N. Delalande. Springer, 2020. P. 317–345.

Zaklyuchitel'noe slovo t. Zinov'eva na zasedanii rasshirennoho zasedaniya IKKI 4 aprelya 1925 g. [Closing address by Comrade Zinoviev. Zinoviev at the meeting of the enlarged session of the ECKI on 4 April 1925. In Russ.] // G. Zinov'ev o stabilizacii i perestraxovkax: sbornik. Leningrad: Izd-vo KUBUCh, 1925.

GRIK N. A. *Problemy e'ffektivnosti sovetskoj promy'shennosti v 1920 – nachale 1930-x gg.* [Problems of Soviet industrial efficiency in the 1920s and early 1930s. In Russ.] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. Vy'p. 288. P. 182–188.

RUPASOV A. I. *Sovetsko-finlyandskie otnosheniya. Seredina 1920-x – nachalo 1930-x gg.* [Soviet-Finnish relations. Mid-1920s and early 1930s. In Russ.] St. Petersburg: Evropejskij dom, 2001.

SOKOLOV A. C. *Sovetskie gosudarstvenny'e zajmy v period novej e'konomicheskoj politiki (1922–1928 gg.)* [Soviet state loans during the New Economic Policy period (1922–1928). In Russ.] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2011. T. 201. P. 353–380.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. И. Рупасов. Северо-Западное областное экономическое совещание: проблемы перспективного планирования развития экономики региона (вторая половина 1920-х гг.) // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 174–190

Аннотация: К середине 1920-х гг. промышленность СССР приблизилась к пределу своего экстенсивного развития, что с неизбежностью ставило политическое руководство государства перед сложнейшей проблемой планирования в общенациональных масштабах. Властям Северо-Западной области при планировании перспективного развития региональной экономики предстояло решить комплекс проблем, в том числе: проблему замедления темпов экономического развития, сокращения сырьевых и топливных ресурсов промышленности, ликвидацию товарного голода на предметы широкого потребления,

скудость финансовых влияний со стороны центрального правительства, дефицит квалифицированной рабочей силы, изношенность транспортной инфраструктуры. Решение совокупности этих проблем в процессе перспективного планирования осложнялось диктатом Центра при определении параметров экономического развития региона, его сдержанностью в отношении просьб региональных властей о дополнительном финансировании. В силу этого процесс выработки перспективных планов превращался в некую фикцию. На практике планирование сводилось к согласованию довольно ненадежной информации, получаемой Северо-Западным областным экономическим совещанием (СЗОЭКОСО) от губернских экономических совещаний, с присылаемыми из Центра нормативами. Ущербность этой практики выявилась довольно быстро, поставив под вопрос саму необходимость существования СЗОЭКОСО.

Ключевые слова: планирование, НЭП, Северо-Западная область, экономическое совещание, промышленность, сельское хозяйство.

FOR CITATION

A. I. Rupasov. The North-Western Regional Economic Meeting: Problems of prospective planning of regional economic development (second half of the 1920s) // Petersburg historical journal, no. 2, 2022, pp. 174–190

Abstract: By the mid-1920s, USSR industry had approached the limit of its extensive development, which inevitably placed the political leadership of the state before the most difficult problem of planning on a national scale. The authorities of the North-West region had to solve a complex of problems in planning the development of the regional economy, including the problem of slowing economic development, reduction of raw material and fuel resources of industry, elimination of commodity hunger for consumer goods, scarcity of financial influence from the central government, shortage of skilled labor, deterioration of transport infrastructure. Solving all these problems in the forward planning process was complicated by the diktat of the Centre in defining the parameters of regional economic development, and the reticence of the Centre towards the requests of regional authorities for additional funding. As a result, the process of elaboration of perspective plans turned into a fiction. In practice, planning was reduced to the coordination of rather unreliable information received by the North-Western Regional Economic Meeting from the provincial economic meetings, with the norms sent from the Centre. This practice was quickly revealed to be flawed, calling into question the very need for the existence of the North-Western Regional Economic Meeting.

Key words: planning, NEP, North-West region, economic meeting, industry, agriculture.

Автор: Рупасов, Александр Иванович — д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, член редколлегии журнала *Tuna* (Таллин), «Альманаха североевропейских и прибалтийских исследований» (Петрозаводск), член-корреспондент Финляндского исторического общества.

Author: Rupasov, A. I. — Dr. of Sciences (History), leading researcher at the Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, corresponding member of the Finnish Historical Society (Suomen Historiallinen seura), member of Editorial board (“Tuna” (Tallinn) and “Almanac of Northern European and Baltic Studies”).

E-mail: rupasov_ai@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3172-6205